

20.3.95

Семев гитар. -
1995. - 20-26
марта - 43

Он постоянно что-то придумывал. Не терпел обыденности – ни в жизни, ни на сцене.

Через десять лет после начала своей артистической карьеры, в 1923 году, поразил всех синтетическим вечером «От трагедии до трапеции»: пел, аккомпанируя себе на гитаре, танцевал, читал стихи, играл на скрипке в концертном трио, распевал дуэты из оперетт, играл в скетче и в эпизоде из «Преступления и наказания», выполнял гимнастические трюки «под куполом» сцены, – делал все, что умел. «Все» не означало в равной степени хорошо. На трапеции он проигрывал профессиональным циркачам, а в Раскольникове оказался слабее знаменитых трагиков. Главное было в другом – показать, что артист способен соединить в себе, казалось бы, несоединимое.

Стремление к такому «синтетизму» не покидало его. И он нашел искомое: 8 марта 1929 года впервые выступил с созданным им Теа-джазом, в котором свой разносторонний талант раскрыл по-новому. Он пел веселые куплеты, читал под музыку «Контрабандистов» Багрицкого, играл на джаз-флейте, конферировал, с душой исполнял чистую лирику – зарубежную «Чакиту» и отечественный романс «Де б ни скитался я», переложил под джазовый аккомпанемент «Блатнягу» – «Гоп со смыком», «С одесского кичмана», в которых обнаружил и грусть, и иронию.

Критики молчали в те годы РАПМ – российской ассоциации пролетарских музыкантов – подвергли Утесова разному. Первому, но не последнему, «Фокстротчик», «певец загнивающего Запада», «халтурщик» – как только не честили его рапмовцы, на дух не принимавшие эстрады и внедрявшие сочинения только своих, «пролетарских» музыкантов. Утесову они рекомендовали «Марш индустриализации» М.Красева на стихи А.Д'Актиля:

КОЗЫРНОЙ ТУЗ

ЛЕГЕНДА

ПЕРВЫЙ ВЕК ЛЕОНИДА УТЕСОВА

Заводов-гигантов умножим число,
Чужих мы не ведая уз!
В сталь! В железо! В бетон! В стекло!
Оденем Советский Союз!

Петь про бетон Утесов не захотел, а Д'Актиль переманил в свой лагерь, – поэт написал для него позже «Пароход», «Му-му», «Тайну». Вместо железа и стали рапмовцев Утесов придумал еще одно соединение – кино и джаза.

Первые выступления в Москве, январь 1930-го. Кон-

чается концерт, зрители выходят из мюзик-холла, что находился на Триумфальной площади, и видят огромный экран, на котором Утесов со своим джазом продолжает петь песню, которой только простился на сцене: «Пока, пока, уж ночь недалеко». Это поражало: звукового кино ведь еще не было! Утесов предложил специально для экрана записать пластинку, которой можно озвучить изображение – пускать ее через репродукторы.

Но... Ни одна пластинка без разрешения цензора или, как цензоры сами себя элегантно называли «политредактора», тогда не выходила. В ответ на свою просьбу Утесов получил категорическое заключение: «Музыка прощальной песенки «Пока» написана под явным влиянием фокстрота. Музыка беспомощна и элементарна. Если еще можно временно примириться с выступлениями утесовского джаза, то согласиться с радиодификацией песенки невозможно!»

Тренированное чутье цензора не подвело: музыка песенки действительно принадлежала американскому композитору и под фокстрот «Good night» танцевали во всем мире, а вот как, несмотря на запрет, удалось Утесову все же записать «Пока» на пластинку, ума не приложу! И пластинка эта, первая в жизни Утесова, получила у нас огромное распространение, хотя торговали ею, как особой ценностью, главным образом в магазинах Торгсина (конторы по торговле с иностранцами – так расшифровывается эта забытая аббревиатура). В фильме Семена Тимошенко «Три товарища» (1935 год), один из героев, пробивной хозяйственник, говорит:

– Да я за одно утесовское «Пока» три вагона леса достану!

Ничего себе! Ну, а об остальном, о том, что уместилось в отведенное время, – в передаче «В поисках утраченного», которая скоро выйдет в эфир.

Глеб СКОРОХОДОВ.

Утесов Леонид